

DOI: 10.15372/HSS20190310
УДК 821.161.1+930.85

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

СТАРООБРЯДЦЫ И ВЛАСТЬ: ОПРАВДАНИЕ САМОДЕРЖАВИЯ В РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВЫГА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

В статье рассматриваются две исторические ситуации, связанные с лояльным отношением старообрядцев к царской власти. Одна из них отразилась в текстах 1720-х гг., созданных идейным лидером Выговского центра Андреем Денисовым. Другая представлена в сочинениях его последователя – Андрея Борисова (1780-е гг.). Предлагаются новые подходы к пониманию позиции выговских старообрядцев, которая постепенно привела к принятию обряда богомолia за императора. Детально рассматривается аргументация выговских идеологов, обусловленная риторической книжной культурой, сформированной на Выге в XVIII в. Показано, что особенно изощренную аргументацию разработал Андрей Борисов: опираясь на лингвистические, философские, риторические аргументы и на авторитет Андрея Денисова, он обосновал право называть царя «благочестивым» и «благоверным». Позиция выговского руководства вступала в противоречие с основными положениями эсхатологического учения, определявшего всю логику старообрядческого движения, однако реабилитировала постулат Нового Завета о сакральном происхождении власти.

Ключевые слова: старообрядцы, Выг, Андрей Денисов, Андрей Борисов, самодержавие, духовный лидер, риторические стратегии, барокко, Просвещение.

O.D. ZHURAVEL

OLD BELIEVERS AND POWER: JUSTIFYING THE AUTOCRACY IN THE VYG RHETORICAL CULTURE

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Novosibirsk State University,
1, Pirogova Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper discusses two cases related to the loyalty of the Old Believers from the Vyg enclave to the Tsar's regime. The first one was reflected in rhetoric panegyric texts and other writings of the 1720s created by Andrey Denisov, an ideological leader of the Old Believer "second generation". The second one was elaborated in the works by his follower Andrey Borisov (about the 1780s). This article presents new interpretive approaches aimed to understand the Vyg enclave members' viewpoint which gradually led to their adoption of the prayer ritual for the Russian emperor. Such position was not dominant among the Old Believers and became a cause of acute inter-confessional disputes and conflicts. Based on the analysis of handwritten texts that expressed the idea of justifying the Tsar's autocracy, this paper studies the Vyg's ideologues' argumentation determined by the type of rhetorical book culture that was formed in Vyg at the early XVIII century. The author shows that Andrei Borisov, an Old Believer's writer of the Enlightenment age, developed a particularly sophisticated argumentation. He substantiated the Old Believers' right to call the tsar "pious" and "right-believing" relying on linguistic, philosophical, rhetorical arguments and the authority of Andrey Denisov, the famous predecessor. The loyal position of the Vyg enclave leaders conflicted with the central thesis of the eschatological doctrine which determined the Old Believer movement's entire logic, but at the same time re-habilitated the New Testament's postulate, according to which there was no authority except for God. The paper analyzes new manuscript sources including rhetoric and polemical writings created by Andrey Denisov and Andrey Borisov. These unique materials

Ольга Дмитриевна Журавель – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН; доцент, Новосибирский государственный университет, e-mail: olga_zhuravel@mail.ru.

Olga D. Zhuravel – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of History SB RAS; Associate Professor, Novosibirsk State University.

make it possible to suggest that idealizing the Tsar's autocracy was not just the result of the forced compromise, but conditioned by the Old Believers' utopian ideas about the state. Such belief was successively connected with the Russian concept of the Third Rome and the messianism, which were paradoxically combined in the Old Believer consciousness with the discourses on "last times".

Key words: Old Believers, Vyg, Andrey Denisov, Andrey Borisov, autocracy, spiritual leader, rhetorical strategies, baroque, Enlightenment.

Отношение старообрядцев к царской власти менялось на протяжении времени и не было единым у представителей разных согласий этого крупнейшего в истории России общественно-религиозного движения. Оно послужило основой многих споров, конфликтов и даже вызывало раскол в магистральных течениях старообрядчества [1, с. 99–101]. Отрицание всех властных структур базируется на эсхатологической теории, основы которой были приняты на Новгородском старообрядческом соборе 1694 г. [2, с. 041]. Эта позиция, нашедшая крайнее выражение в демонизации образов царя и патриарха, вступала в противоречие с каноническим постулатом, согласно которому нет власти не от Бога (Рим 13 : 1). На практике признание царской власти несправедливой приводило к отказу от исполнения обязательного для всех подданных Российской империи обряда «богомолія» за царя, что имело весьма драматические последствия для староверов [2, с. 102–106; 3, с. 61–112]. В соответствии с каноном в молитве следовало называть императора «благоверным» и «благочестивым», – требование, с которым сложно было согласиться сторонникам старого обряда.

Между тем с начала 1720-х гг. в Выговском старообрядческом центре начался процесс идеологического оправдания самодержавия, который в итоге привел к принятию моления за царя. Проблема отношения старообрядцев Выга к царской власти не раз привлекала внимание исследователей: она поднималась в трудах П.С. Смирнова [4], Р. Крамми [5], Н.С. Гурьяновой [3], Е.М. Юхименко [6, с. 34–41; 7, с. 39–48, 431–434]. Доказано, что переход от категорического неприятия государственной власти к «соглашательской» практике на Выге происходил постепенно и обусловлен был в первую очередь стратегией выживания – «необходимость сохранить старообрядческое общежитие вынудила пойти на компромисс» [6, с. 35]. Лояльность выговских старообрядцев выражалась в разнообразных формах: от дорогих подарков и литературных панегириков [4, с. 349–350; 6] до введения в 1739 г. моления за царя.

Вместе с тем уже П.С. Смирнов отмечал противоречие между установкой, в соответствии с которой царь не мог быть признан благоверным, и уважительным отношением выговских лидеров к Петру I [4, с. 349]. Они «получили землю и угоды, получили право вести торговлю, право ловить рыбу и зверей, право свободно содержать свою веру, и благодаря всему этому, их община быстро пошла в рост» [4, с. 13]. Выговцы выполняли важную для страны работу рудознатцев, особенно высоко ценимую царем [7, с. 39–48]. Защиту старообрядцев Выга гарантировали специальные царские указы Петра I [4, с. 11–12], копии этих докумен-

тов выговцы имели при себе, отправляясь из пустыни по различным нуждам [7, с. 42].

Панегирические тексты в адрес императора созданы в рамках выговской литературной культуры, основанной на риторических учениях. В 1710–1720-е гг. выговцы активно перенимали европейские риторические, переписывая и адаптируя книги Феофана Прокоповича, Софрония Лихуды, Козмы Афоноверского, Стефана Яворского, Андрея Белобоцкого. В конце 1720-х гг. Андрей Денисов вместе с учениками работал над обобщающей Риторикой-сводом [8, с. 10–85]. Пропаганда вероучения была главной целью Андрея Денисова и его соратников, овладевавших словесным оружием риторик. Интересным источником для изучения взглядов старообрядцев являются примеры («парадигмы») к теоретическим разделам риторик. Так, в частности, в них содержатся упоминания об указанных выше царских указах, приводятся образцы «правильного» обращения к «всепресветлейшему великому императору».

Тексты риторик позволяют проследить истоки формирования в книжности Выга идеализированного образа царя. Особое место в ней принадлежит барочной риторике православного монаха Козмы Афоноверского (Космы Грека) 1710 г. Редактируя книгу Козмы, старообрядцы подвергли цензуре примеры, восхваляющие церковь и патриарха, обратив дифирамбы в проклятия, однако сохранили образцы прославления царя. Эти фрагменты вошли в полное собрание и в их собственную Риторику-свод. Идея богоизбранности царя обретает в текстах риторик пышное барочное оформление, декорируется при помощи изысканных стилистических средств, как, например, в примере «На боговенчаннаго нашего самодержца»:

Что помышляете, безбожнии агаряне, о боговенчанном и крестоносном нашем государе царе? Мните ли, яко подобен есть прочым земным царем? Не лститеся, о окаянии! Сей бо наш царь есть паче царей земных, сего царство не земное, но свыше дано есть от Небеснаго Царя. Крестоверхий скипетр нашего самодержца вышний златокова всемудрый ковач, адамантоукрашенную карону, яже царскую его главу украшает, Той златокова, Иже и солнцу сплете венец пресветлый; златозрачную сего диадиму, яже млекозрачное его царское покрывает тело, Той сотвори, Иже небо облече светом...»¹

Российский император, который «есть паче царей земных», в соответствии с этим текстом, поставлен самим Богом, наделившим его короной и скипетром. Именно Бог – источник мудрости царя². Власть русско-

¹ Библиотека Академии наук (БАН). Собр. Дружинина. № 122. Л. 64–64 об.

² Там же.

го царя, которого «боятся вся царства земная», может быть сравнима только с властью Всевышнего, «иже крепкою рукою вся содержит... Той облодает всюю тварию, сему же даде во владение пространное царство полунощное, Того трепещут небо и земля, сего же боятся вся царства земная»³.

В разделе об аллегории в Риторике-своде (источник – та же Риторика Козмы) Петр I назван «тишайшим монархом» и сравнивается с Нептуном: «Нового ныне круг российский ужасается и благоговееет Нептуна, сиречь тишайшаго монарха нашего...»⁴. В примере из Риторике-свода, также взятом из Риторике Козмы, образ императора целиком соткан из добродетелей: «Тишайшаго самодержавнейшаго боговенчаннаго ... Петра Алексиевича ... не едина или другая добродетель украшает, но весь лик добродетелей свято царскую его преславно озаряет и благородие бе в нем сияет, и красота сугубая, и мужество несравняемо, и дерзость несказанна, и кротость безмерна, и смирение хриstopодражательно, и милость неизследованна, и правда величайша, и вера не сумненна, и надежда известнейша, и любовь ко всем нелицемерна и, и прочая»⁵.

Отметим, что среди прочих выдающихся качеств здесь отмечается «вера не сумненна». Как видно, самый сложный для старообрядцев вопрос – можно ли назвать русского царя благоверным, – в Риторике-своде уже к концу 1720-х гг. решен положительно. Как уже отмечалось [3, с. 62], «благочестивым» предложил называть Выговскому собору царя Андрей Денисов еще в 1722 г., в своих «10 винах». Собор согласился с большинством из этих «вин» (причин), поскольку в них перечислялись заслуги Петра I перед старообрядцами, однако количество благодеяний не означало в глазах собора качества «веры» царя, и предложение Андрея Денисова было отвергнуто.

В Риторике-своде царь называется и благочестивым, и даже благоверным. Вряд ли это случайность, учитывая известную скрупулезность, с которой выговские книжники работали над своими рукописями: «Благодарим тя, небесный царю Христе, и славословим тя... дал бо еси нам царя *благочестива* (здесь и далее курсив мой. – О.Ж.), паче царей всего мира, – сей есть *благочестивейший* наш сей великий государь царь, и прочая. Сего красота посрами красоты Каркина и Фисея, сего смелость и радость погаси Александра Македонскаго славу, ... слава возвысися до небес, похвала обтече мир весь, десница его устрашает всю Африку, шуйца его умертвити имет всю Асию, ... победа его славная же на враги под Казыкермерном удивил всю вселенную, яже под Азовым – устрашил всю подсолнечную; агаряне яко птицы и комары падаху, сего царскаго величества храбрый воин, яко горы, недвижны стояху... Сей же *благочестивый* наш великий царь победою славно обращаем. О царствующий граде Москво, красуйся! Та-

коваго имущи *благовернаго* царя, возвыси глас твой до небес...»⁶ Возможно, данные тексты, воспевающие заслуги царя и его личность, отражают собственную позицию Андрея Денисова, с которой не все представители выговского собора были согласны.

В другом примере о победах Петра I на Азове читаем: «его царскаго величества быстропарным устремлением» налетели «витязи храбры, иннии Ахиллеи, иннии Агамемноны» и одержали победу, поскольку «таковая сила *благовернаго* нашего государя, таковая храбрость московских сил!»⁷. В примерах, составленных лично Андреем Денисовым (об авторстве свидетельствуют пометы на полях рукописи), также содержатся панегирические характеристики царя: «Правдою государь шведа победы, / множеством храбраго войска победы, / изрядством и премудрым воейнаго чина вождием победы, / многохитростными устроением орудий победы»⁸. Риторический прием «перифразис» позволяет увидеть разные достоинства царя: «Премудраго: Муж, от всякаго рода писмен обогащенный; Силнаго: Крепкими мышцы и доблественными лыстами и всеми твердыми удами адамантый муж; Храбраго: Во всех сношениях напастей, во всех волнующихся бурях нестрашася сердце имеяи; Учитель: Той, от него же день разумения и сладость познания восприял еси, и прочая. Той, от него же вся Россия поколебася, той, от него же всяко место устрашися, ко всяким нанесенным противностей глава примирительный носящ помысл»⁹.

Примеры из риторик отражают тот контекст культуры, в котором создавались старообрядческие сочинения, не только оправдывающие, но и воспевающие царя, в соответствии с которыми царя можно было признать благочестивым и даже благоверным. Однако тот факт, что император был представителем правящей «никонианской» церкви, опровергнуть было трудно. Один из путей бесконфликтного принятия идеи царской власти был предложен в «Поморских ответах» иеромонаху Неофиту, составленных в 1722 г. под руководством Андрея Денисова, – в первом крупнейшем полемическом сочинении поморских старообрядцев. Н.С. Гурьянова обращала внимание на то, что в 52-м ответе делается попытка отделить идею власти в разных ее проявлениях от ее реального воплощения. Суть данного вопроса состояла в отношении выговцев к императору и Синоду. «Мы его государскаго благочестия не истязуем, – отвечали выговцы, – но Господа Бога за его милосердное величество молим...», «мы его императорскаго православия не испытываем, но всякаго блага его боголюбивому величеству доброхотно желаем»¹⁰. Неприязнь же старообрядцев, как подчеркивается в документе, распространяется только на церковные нови-

⁶ БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 145 об.–147.

⁷ Там же. Л. 25–26 об.

⁸ Там же. Л. 590.

⁹ Там же. Л. 588 об.–589.

¹⁰ Поморские ответы. Книгоиздательство Московского Старообрядческого Братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Б.г. Л. 401–402.

³ БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 64–64 об.

⁴ Там же. Л. 66 об.–67 об.

⁵ Там же. Л. 164.

ны: «мы еще о внесенных от Никона новопреданиях сомневаемся, но не сомневаемся о богопоставленном самодержавствии богохраняемого и богопомазанного самодержца... его ... величество императора Петра Великого, отца отечества, богохраняемого самодержца... почитаем и всеусердно прославляем и всеусердно прославляем и всежеланно благодарствуем и благодарствовати и почитати когда не престанем»¹¹. Далее идея почитания власти как принципа, как Богом установленного закона проводится по отношению и к другим составляющим государственного и церковного устройства, в том числе к Синоду.

Таким образом, идея почитания царя, как и прочих представителей власти, отделялась от требований благочестия и правоверия по отношению к реальным лицам. Авторы ответа весьма осторожны в своих высказываниях, они ни в чем не грешат против убеждений, авторитетность которых подкреплялась опорой на Священное Писание и традицию. Для беспоповцев-поморцев молитва за царя «оказалась символическим признанием российской государственности как христианского учреждения и проявлением чувства их неразрывной исторической связи с большинством русского народа» [9, с. 451-452].

Позиция выговских «большаков» становится еще понятнее, если вспомнить о том, какое значение в риторической культуре Выга придавалось «сенсу аллегоричному» [8, с. 98–128]. Традиции раннехристианской герменевтики, включающей символическо-аллегорический метод интерпретации, были актуализированы в барочных риториках. Смысловая двуплановость, разграничение буквального («литерального») смысла и «аллегоричного» были характерны для мышления выговских книжников, поднаторевших на проповедях. Идея божественного предназначения царской власти могла свободно отделяться от ее буквального, вещественного воплощения, абсолютное тождество вовсе не требовалось.

При интерпретации политической позиции выговцев стоит учесть и их утопические представления. Выговская утопия включала, в частности, представление о «золотом веке» православия, преемственная связь с которым утверждалась идеологами движения. Был задействован «панегирический аспект» древнерусской доктрины «Третьего Рима», в соответствии с которым Московская Русь представлялась как проекция рая на земле [8, с. 179–186]. Идея «Третьего Рима» в комплексе с мифологемой передачи «благодати» («благодать» передавалась мистическим образом непосредственно от учения Христа, через древнерусскую святость, защитникам старого обряда) является важной составной частью данной утопии. А с теорией «Третьего Рима» старообрядцы восприняли и идею «правильного» православного государства, где отношения царской власти с церковью построены на унаследованных из Византии принципах «симфонии» [10, с. 94–95]. Осмысливая свой монастырь как «остров спасения в океане

власти антихриста» [5, р. 106], выговские идеологи не отказывались от идеи «правильного» общественного устройства, включающего, разумеется, власть монарха. Не принимая «новин», они выражали почтение *идее* священства, *идее* царя и гражданства, что, в конечном итоге, обеспечивало некий идеал общественной гармонии. Этот идеал отразился и в риториках. Так, в примерах из Риторики-свода (автором указан Андрей Денисов), читаем: «Колико есть добро, еже согласие ближним, смирение домом, любовь соседом, совокупление гражданином»¹²; «полезно есть согласное граждан, благочинное домов, воздержание духовных, целомудрие пустынных, начальных рассуждение, послушных покорение»¹³. Андрей Денисов подчеркивает выдающиеся качества царя именно как правителя государства: «Воинство избранное совокупи, / Храбрость пресловущую показа, / Гражданство предивно устрои, / Законы праведнейшия утверди»¹⁴.

Проблема отношения к царской власти оставалась актуальной и позднее. Принятие на Выге богомолия за царя в 1739 г. имело особенно сложные последствия, «привело к крайне неустойчивым отношениям между согласными и в конечном итоге к полному уничтожению надежд на примирение» [1, с. 138]. От выговцев требовали либо «исправиться», т.е. отказать от богомолия, либо «оправдать от Писания» [1, с. 99]. Попытки объяснить свою позицию, основываясь на авторитетных аргументах, имели место неоднократно. Так, известно о несохранившейся книге Даниила Матвеева 1742 г. [3, с. 79–83; 1, с. 100]. В новых исторических условиях к этой проблеме вновь обращается Андрей Борисов, глава Выга в 1780–1791 гг.¹⁵

Представитель третьего поколения выговских наставников, Андрей Борисов был личностью неординарной. По точному определению Р. Крамми, он жил в двух культурных мирах [11, с. 137]. Сын московского откупщика, Андрей Борисов пришел в Выговский монастырь после долгого периода духовных поисков. Он проявлял интерес к современной философии, естествознанию, его отличала не только традиционная для выговских мастеров слова «любовь к словесному любомудрию» и необходимое для этого знание риторики¹⁶. В заметках французского ученого Жильбера Ромма, посетившего Выговскую пустынь, содержатся сведения о том, что Андрей Борисов имел в своей библиотеке и хорошо знал сочинение Руссо «О влиянии наук на нравы», мог весьма остроумно поговорить о Вольтере и Дидро, интересовался трудами Фенелона и Роллэна [12]. Будучи современником эпохи Просвещения, он придавал большое значение не только обширным познаниям, но и «добродетелям», морали, что входило в число фундаментальных ценностей эпохи [13, с. 124–141].

¹² БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 595 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 596.

¹⁵ О биографии Андрея Борисова см.: [7, с. 294–296].

¹⁶ Об обширных знаниях и эрудиции Андрея Борисова см.: [7, с. 311–312].

¹¹ Поморские ответы... Л. 401–402.

Андрей Борисов много сделал для продолжения традиций первых выговских наставников, в первую очередь Андрея Денисова. Интересовался он и риторическим учением, разработке которого отдавал столь много внимания его предшественник. И именно Андрей Борисов применил «кабалистическую науку», т.е. учение Раймунда Люллия (в обработке Андрея Белобочкокого) для обоснования догмата моления за царя.

Теоретическая разработка проблемы именованя царя, важной для принятия догмата, содержится в трех сочинениях Андрея Борисова:

1) «Слово о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей» [14, с. 63, № 4];

2) «Толкование российского речения «благочестие». [14, с. 93, № 9 (ошибочно приписывал Андрею Денисову); 15, с. 21];

3) Изъяснение о благочестии. [14, с. 320, № 175 (автор не установлен); 15, с. 21]¹⁷.

Определить последовательность написания этих трудов и точную датировку в настоящий момент не представляется возможным. Все три сочинения объединяют система аргументации и единство стиля. Возможно, «Толкование» и «Изъяснение» представляют собой подготовительные материалы для какого-то другого сочинения, скорее всего, полемического характера. Создание подобных текстов было актуальным в спорах выговцев с представителями других согласий, а также для внутренней разъяснительной работы, поскольку и на Выге, начиная с 1720-х гг., не было единого мнения относительно весьма непростой проблемы моления за царя [3, с. 83]. Что касается «Слова о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей», то оно представляет собой законченную, довольно пространную проповедь, построенную по риторическим правилам. В нем есть «фема», задающая тему на основе библейской цитаты, начало строится по принципу притчи, где «слепыми» поводьями наглядно и выразительно представлены те наставники, которые не хотят видеть истин Священного Писания.

Для обоснования моления за императора необходимо было доказать правомерность применения к царю эпитетов «благочестивый» и «благоверный», что составляло немалую трудность. Андрей Борисов использует несколько систем аргументации.

Во-первых, он пытается найти обоснование в семантике слов. Основное внимание в своих кратких сочинениях он уделяет определению «благочестивый». Разбирая по составу это сложное слово, он доказывает, что «благо» «на российском нашем диалекте» означает «добро», «хорошо», «изрядно» и не связано напрямую с понятиями веры и святости¹⁸. Вторая часть слова тем более не относится напрямую к характеру

религиозных убеждений: «честие – имя, знаменующее честь. И сие такожде не может заключитися в единой святости, но происходит оное наиболее от добродетелей, ибо обыкновенно мы, невзирая на веру, хотя бы и иноверных, добрых и справедливых людей честными называем»¹⁹. Акцент на «добродетели» чрезвычайно показателен, учитывая общий характер мировоззрения старообрядца века Просвещения, поскольку «добродетель» являлась одной из базовых ценностей эпохи. Андрей Борисов был современником Н.И. Новикова, М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзина, вслед за классиками развивавшими учение о добродетели. «Добродетель есть красота человеков, творения возвышенного над бездушным и зверским миром и с единым страны небесным духом сродственная», – писал Н.И. Новиков [13, с. 126]. Это понятие становится одним из самых популярных в статьях многих авторов 1770-х – начала 1790-х гг., времени творческой активности Андрея Борисова.

Лингвистическая экспертиза подкрепляется в сочинениях Андрея Борисова философско-риторической. Он обращается к категориальному аппарату «Великой науки» Андрея Белобочкокого, основанной на учении средневекового философа Раймунда Люллия. Эту книгу в 1725 г. Андрей Денисов лично отредактировал, поскольку и в ней видел важное пособие для написания проповедей [8, с. 43–61]. Суть метода, изложенного в «Великой науке», представлена в таблице, «належащей до науки Раймунда Люллия» [8, с. 49]. В первой графе таблицы располагались «прилагаемые соборные», т.е. первопринципы, или «имена», означающие основные атрибуты Бога, им придавался ключевой онтологический смысл: доброта, великость, власть, разум и др. По терминологии Аристотеля, использованной в учении, это абсолютные предикаты. В пятой же графе располагались «случаи»: количество, качество, отношение и прочие, то, что у Аристотеля называется «акциденциями».

Эти категории оказались весьма полезны старообрядческому автору конца XVIII столетия. Обратив внимание на то, что синоним слова «благо» слово «добро» относится к базовым понятиям, т.е. к «сущности» (прилагательным «соборным»), а смысловая связь «блага» с верой – только частный случай («случаи»), он пишет: «прилагательное имя благочестивый или женское благочестивая²⁰ могут справедливо ... прилагаться к сущительным именам. Первое – по самой сущности, то есть по добродетели, и сие самое существенное съвойство онаго имени. Второе – случаем точию честности, а не по самой сущности. <...> Кто есть милостив, человеколюбив, правдив, постоянен, кроток, долготерпелив, сии по оным качествам может нарециса благочестивым, хотя бы он был и не правья веры»²¹. Андрей Борисов

¹⁷ О принадлежности двух последних сочинений перу Андрея Борисова см.: [15, с. 21].

¹⁸ Толкование российского речения «благочестие» // Российская государственная библиотека (РГБ). Собр. Егорова. № 1557. Л. 620 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Учитывая, что А. Борисов был современником Екатерины II, следует признать уточнение по отношению к женскому роду не случайным.

²¹ Толкование российского речения «благочестие» // РГБ. Собр. Егорова. № 1557. Л. 621 об.

делает акцент на добродетелях, отодвигая вопрос веры на второй план, считая это «случаем», а не сущностью. «Благочестивым же нарицаем такожде иногда не по вере, но по честным делам и изящному жителству <...> и тако благочестивии не инно что по сущности своей значит, токмо добродетельный»²².

Андрей Борисов смело демонстрирует свои познания в философии, одновременно иронизируя над «неучеными» противниками, а ими были те, кто отрицал моление за царя: «по философскому учению, аще кто имеет знание, может рассуждать, которое естество основательнее есть: случайное ли или существителное, но всяк ученый безпрекословно скажет, что случай бытность свою имеет всегда на существе. Следовательно, существителное естество основательнее есть случайного, в благочестии же существо занимает добродетель, а отношения к вере и к достоинству случай...»²³. Для большей убедительности он приводит наглядный пример: «...естество сея бумаги основательнее есть случайных сих писанных на ней чернилами букв, ибо сии могут на бумагу по случаю быти и паки отбыти, бумага же бытность собою сохраняет. А егда бумагу уничтожишь, то убо буквы написанные целы не пребудут»²⁴. Так и вера, по мысли автора, подобна буквам, написанным на бумаге: буквы можно стереть, а бумага (добродетель) останется целой.

Полемист защищает себя от возможных упреков в том, что он опирается на учение неправославного автора, которым был Раймонд Люллий. Это он делает в сочинении «Изъяснение о благочестии». Вновь обращаясь к анализу семантики слов, составляющих сложное прилагательное «благочестивый», он еще более подробно ссылается на книгу «Великая наука», указывая конкретные главы: «еще же и от сокращенной премудрым учителем Андреем Дионисиевичем кабалистичной науки славного философа Раймунда Люллия ясно видится, что благочестие состоит точию в добродетелях, а к вере случаем токмо прилежит, зри тамо в 7 части, в главе 9-й, и какое благочестию описание есть, zde написую...»²⁵. Далее Андрей Борисов поясняет: «но разве кто предложенный от науки кабалистичный твердый сия доводы восхощет опорочити сим, что творец оныя не наша был церкви, но аз не ему последую, и не из него большия книги доводы сия выбирал, но последую господину Андрею Дионисиевичю, и ис сокращенной его трудами и исправлением малой собственной его книжицы взимах свидетельствованныя им справедливыя сия доказательства. И тако ежели кто хочет быть сему противным, то будет и не хотя самому ему противником...»²⁵.

Таким образом, к «лингвистическим» и философским аргументам Андрей Борисов добавляет еще один, которым можно считать ссылку на авторитет Андрея

Денисова. Тот, кто не согласен с доводами полемиста, оказывается противником и учения выговского лидера.

И, наконец, важнейшее место в аргументации Андрея Борисова принадлежит ссылкам на канонические источники: на Священное Писание и труды Отцов Церкви. Обосновывая правомерность доказательств «от философии», он пишет: «мы и сами не утверждаем единственно на внешней философии, но точию сие от нея избираем, что согласно есть с Божественным Писанием, внешнее же учение острым инструментом премудрии учителя нарицают»²⁶. Считая, что «премудрость от Бога же есть», он делает вывод: «следовательно, высочайшии сии учителя, иже с благим житием и премудрость имеют, яко Василии Великии, Григорий Богослов и Иоанн Златоустыи, и прочии славныя наши святыя Отцы и премудрии, им же даждь Боже и нам последовати во всем, и купно с ними»²⁷. Примирая «внешнюю» мудрость с христианским учением, Андрей Борисов возвращает к главному аргументу моления за царя, истоки которого содержатся в послании апостола Павла к римлянам: «Несть ли бо власть, рече, аще не от Бога?», снимая противоречие, свойственное всем старообрядческим учениям, оправдывающим отказ от моления за царствующего императора в силу эсхатологических убеждений.

В «Слове о наименовании царей «благоверными и благочестивыми» и о молении за царей и за властей» Андрей Борисов пытается переосмыслить и понятие «благоверный»: «... аще кто верует, якоже святая православная церковь содержит и веровати повелевает, как о святей Троице мудрствует, о смотреии Сына Божия, о страдании, о воскресении из мертвых, о вознесении на небеса, о седении одесную Отца, о втором пришествии, еже на Суд, и о схождение Духа Святаго от единого Отца, а не от Сына, таковая того вера будет благая, и держай таковую веру может нарецися благоверными»²⁸. Здесь применен достаточно смелый полемический ход, поскольку в данном фрагменте автор нивелирует внутриконфессиональные различия, основанные на обрядово-догматических вопросах, возвращая к базовым основам христианской веры. В качестве «благой веры» перечисляются, по сути, самые общие догматы, свойственные разным конфессиям.

В этом сочинении старообрядческий автор уже смело утверждает, что «может нарецися благоверный не по вере, но по чести и величестве сана и первых человек народа»²⁹. Тщательно изучив Священное Писание, он и там нашел неопровержимые доказательства своей правоты, поскольку, например, апостол Лука именовал благоверными «еллина».

Итак, Андрей Борисов помимо аргументов, основанных на актуализации тезисов Священного писа-

²² Толкование российского речения «благочестие». Л. 621 об.

²³ Там же. Л. 622 об.–623.

²⁴ Там же. Л. 623.

²⁵ «Изъяснение о благочестии». Цит. по рукописи: РГБ. Собр. Егорова. № 1557. Л. 627–627 об.

²⁶ Толкование российского речения «благочестие» // РГБ. Собр. Егорова. № 1557. Л. 623 об.

²⁷ Там же. Л. 623–623 об.

²⁸ РГБ. Собр. Барсова. № 626. Л. 6–6 об.

²⁹ Там же. Л. 6 об.

ния, использовал в полемике и другие доказательства правоты принявших моление за царя. Он обращается к «лингвистической экспертизе», анализируя состав и семантику слов «благоверный» и «благочестивый», употребляемых в формулах моления; подкрепляет свои аргументы ссылками на риторические и фило-софские теории, упрекая одновременно соперников в невежестве; опирается на авторитет Андрея Денисова, направляя удар по оппозиции, не согласной, на его взгляд, с положениями поморского лидера. Кроме того, придавая в своих построениях ключевое значение такому понятию, как «добродетель», он использует определенный «символический капитал» идеологии Просвещения, приближаясь в своей полемике к секуляризации понятия «благочестие» и отделяя веру как от дел, так и от морали.

Обращение к старообрядческим источникам, посвященным отношению к царской власти, позволяет выявить новые аспекты решения ими актуальных проблем современности. Чутко улавливая веяния эпохи, старообрядческие идеологи строили свою полемику на аргументах, почерпнутых ими из самых разных источников – от Священного писания до трактатов по фило-софии и риторике, опирались на понятия, актуальные для того или иного времени. Тенденция к компромиссу с властью, на первый взгляд неприемлемая для радикального социально-религиозного движения, каким было старообрядчество, тем не менее не являлась только следствием «соглашательской» политики и свидетельством беспринципности и слабости сторонников «моления». Если рассматривать старообрядчество в целом как крайнее проявление традиционализма и даже консерватизма, то идея сильной самодержавной власти неизбежно находит себе место в построениях сторонников традиционной патриархальной модели, мирно уживаясь даже с эсхатологическими теориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 572 с.
2. Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе XVII в.: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
3. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 189 с.
4. Смирнов П.С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909.
5. Crumme Robert O. The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London. 1970. 258 p.
6. Юхименко Е.М. Самодержавие и правоверие в литературе выговских старообрядцев // *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solzenitsyna)*. Lodz, 1994. S. 34–41.
7. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.
8. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
9. Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970. 527 с.
10. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: в 3 т. / отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. 598 с.
11. Crumme Robert O. Old Believers in a Changing World. Illinois, 2011. 265 p.
12. Ромм Жильбер. В Выговском монастыре (Публикация М.В. Пулькина) // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 152–157.
13. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 284 с.
14. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912.
15. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2002. Т. 2. 480 с.

REFERENCES

1. Mal'tsev A.I. Old Believers' unconditional consent in the XVIII – early XIX centuries: the relationships problem. Novosibirsk, Sova, 2006, 572 p. (In Russ.)
2. Smirnov P.S. Internal issues in the XVII century schism: studying the schism initial history on newly discovered monuments, published and handwritten. Saint Petersburg, 1898, VIII, CXXXIV, 237, 122 p. (In Russ.)
3. Gur'yanova N.S. Peasant antimonoarchist protest in the Old Believer eschatological literature of the late feudal period. Novosibirsk, Nauka, 1988, 189 p. (In Russ.)
4. Smirnov P.S. Disputes and divisions in the Russian schism in the first quarter of the XVIII century. Saint Petersburg, 1909, vol. 363, [168] p. (In Russ.)
5. Crumme R.O. The Old Believers and the world of antichrist. The Vyg community and the Russian state 1694–1855. Madison, Milwaukee and London. 1970, 258 p.
6. Yukhimenko E.M. Autocracy and faith in the Vyg Old Believers literature. *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solzenitsyna)*. Lodz, 1994, pp. 34–41. (In Russ.)
7. Yukhimenko E.M. Vyg Old Believer hermitage. Spiritual life and literature. Moscow, 2002, vol. 1, 544 p. (In Russ.)
8. Zhuravel O.D. Literary creativity of the Old Believers XVIII – early XXI centuries: themes, problems, poetics. Novosibirsk, SB RAS Publ. House, 2012, 442 p. (In Russ.)
9. Zen'kovskiy S.A. Russian Old Believers: spiritual movements of the XVII century. Munich, 1970, 527 p. (In Russ.)
10. Lenhoff G.D., Pokrovsky N.N. (eds.) The Book of Degrees of the royal genealogy based on the oldest known manuscripts. Texts and comments. Moscow, 2007, vol. 1, 598 p. (In Russ.)
11. Crumme R.O. Old Believers in a changing world. Illinois, 2011, 265 p.
12. Romm Zh. In Vyg hermitage (a publication by M.V. Pul'kin). *Kraeved Karelii*. Petrozavodsk, 1990, pp. 152–157. (In Russ.)
13. Kochetkova N.D. Literature of Russian sentimentalism. (Aesthetic and artistic quest). Saint Petersburg, Nauka, 1994, 284 p. (In Russ.)
14. Druzhinin V.G. Writings of Russian Old Believers: a list of manuscripts compiled on printed manuscript descriptions. Saint Petersburg, 1912. (In Russ.)
15. Yukhimenko E.M. Vyg Old Believers hermitage. Spiritual life and literature. Moscow, 2002, vol. 2, 480 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 04.07.2019